

Интервью №2
СПб, 1994 г.

запись на диктофон
Крук Н.С.

Н.А. - Он поговорил со мной, сказал: "Ладно, я вас отпущу пока, отдыхайте." Меня отвезли обратно, я продолжал там существовать, мне помогали эти самые французы, куревом снабжали, потом с большим интересом со мной разговаривал этот капитан, они же из России уехали, как началась революция, и жили в Польше. Он интересовался, как мы жили, всякими подробностями. И вот примерно еще через месяц меня опять повезли туда, где я был первый раз, опять к этому же полковнику. Он говорит: "У меня к вам немного... Вот какое дело. Вы привыкли, что у вас часто провокации делают, поэтому не подумайте, что я хочу Вас разыграть, никакой задней мысли у меня нет. Вот я даю Вам бумагу, красный карандаш, вот вам спичек коробка, вот пепельница, когда вы потом сожгете бумагу, не бросайте, а в пепельницу. Так что же я хочу? Я Вас попрошу этим красным карандашом на этой бумаге распишитесь и покажите мне со своих рук, я посмотрю, вы зажгете спичку и сожгете бумагу. Я просто хочу видеть Вашу подпись, видеть только, не буду ничего снимать." Так и сделали, потом посмотрел, говорит: "Подождите, я хочу показать." Вынимает из письменного стола мое письмо фирме "Сименс..." с Днепростроя, где я пишу официально, что "полученная вами аппаратура попала с таким-то дефектом, мы прилагаем фотографию и просим заменить деталь". Моя подпись: "Начальник лаборатории Днепрогэсстроя Семенов Н. А." - "Вы поняли, у меня есть документальное доказательство, что вы не просто неизвестный пленный номер такой-то, что вы действительно инженер Днепростроя и заведовали лабораторией. Теперь перехожу ко второй части. Вы сожгите, не оставляйте." Я сжег. "Так что следов, - говорит - нет, я имею право засвидетельствовать ваше соответствие. Теперь вот что: по существующим международным законам мы не имеем права военнопленных привлекать к работе какой-нибудь ответственной, поэтому единственный выход - если вы письменное согласие дадите, что вы согласны добровольно работать, то мы вам обеспечим эту работу. Конкретно я вам предлагаю: на ту же самую должность, в которой вы работали, в том же самом месте. По условиям этим мы принуждены с ними считаться, поэтому я вам предлагаю ту же самую работу, если хотите, ту же самую квартиру, которую вы занимали, условия такие: работать на той же работе примерно 8 часов или по ходу событий, платить вам будут несравненно больше, чем та нищенская зарплата, которую вы получали. Нахождение у нас с письменного вашего согласия ограждает нас от того, чтоб целый взвод солдат держать на вашей охране. Небось, вы при первой же возможности улизнули бы?" Я говорю: "Попробую." - "Вас же там все знают?" Я говорю: "Да." - "Так вот осталось вам только расписаться, и мы вам быстро командировочные, мы вас быстро доставим, не будем терять время, инструмент нужный там найдется, что вы скажете, вам дадут. И продолжайте свою работу, там пошло дело в наладке." Это то, чем я занимался. "Ну что, - говорит, - думайте!" Я говорю: "Я, собственно, не думаю, я сомневаюсь только, я же уже подписал одну бумагу, как же может быть?" - "А что, - говорит, - вы подписали?" Я говорю: "Такая бумага есть, называется Присяга" - "Как, - говорит, - разве такое понятие у вас есть?" Я говорю: "Вы меня обижаете, я хоть и оборванец, я пленный, но я же и офицер Советской Армии. Как же я могу? Это же явное несоответствие, так не может быть. Я подписал, я не могу не выполнять какое-то обязательство, я его выполнять обязан, если бы мы с вами встретились, когда я был с оружием и вы тоже, то я был постарался первым выстрелить. Я более молодой, более здоровый, я бы раньше успел, чем вы!" Он засмеялся: "Поди с ним спорить! Вы правы совершенно во всех отношениях. Я потрясен, неужели еще сохранилось понятие о чести офицера!" Вы понимаете... Я говор-

рю: "У каждого своя точка зрения. Но я сын старых людей и воспитывался в обстановке, где принято было свои обязательства выдерживать, мне не обязательно расписку давать было, мне достаточно было сказать, что я делаю, и я делал!" - "Ну, - говорит, - вы меня убедили, но вы знаете, во что это вам может обойтись?" Я говорю: "Я потерял уже все возможности, отсюда вы меня можете отвезти и по дороге меня задушить." - "Нет, ну за кого вы меня считаете? За своего врага?" Я говорю: "А что же - я же пленный." - "Да, ладно, вы подумали, вы хорошо убедились в этом? Ну вот, вас отправят обратно, можете еще в течение недели отменить свое мнение." Я говорю: "Ну тогда вы меня совсем считайте за никого!" - "Нет, не обижайтесь", - говорит. Встал и пожал мне руку. Немец, понимаете, старый офицер, еще из тех, которые в царской армии были.

Отправили меня, подождали неделю, как он сказал, и отправили в лагерь. Но, видимо, он что-то сказал, что не просто куда-то в шахту, где плохо было, а на маленький заводик частный, в Берлине, там где было 70 человек заключенных, в основном офицеров. Мы там работали, в основном игрушки делали, в общем, не очень тяжко. А т.к. мы работали, нам не только давали паек, который полагался военнопленным, он был маленький, а хозяин дома нас подкармливал, раз мы работали. т.е. кормили более-менее, и платили еще сколько-то военнопленными марками, что мы могли купить побриться нож, мыла кусочек, вот такое. Там мы какое-то время были, потом из лагеря нас перевели в заводы , там в какой-то лаборатории находился какой-то профессор русский, который что-то изобретал. Мы им понадобились, меня отправили как электромонтажника. Вот там я сидел, копался, помню, что я делал, странно даже, фирма у них сильная, , и казалось бы, у них аппаратура... А меня посадили собирать двухлучевой осциллограф с двухлучевой трубкой. Ну, я смонтировал его не особенно удачно, потому что мне потом исправления делали, что я делал как монтажник-сильноточник, аккуратно, а надо было, чтобы провода не влияли друг на друга. Мне показали, я переделал, попутно еще мастеру какому-то, там же мастера еще немцы были, он подпортил прибор стрелочный, а я же эту аппаратуру отлично знал, даже ихнюю, у нас же были сименс/?, ихние. Он сердитый ходит, думаю: что такое? Оказывается, что попортил. Я посмотрел и говорю: "Давай я тебе сделаю!" Он говорит: "Как?" Я говорю: "Сделаю! Чем ты рискуешь, уже попортил." Он отдал. Я говорю: "Только мне принесите правильные приборы, я по ним буду проверять." Конечно, я сделал, это мне было не сложно, я это все умел делать, я это и сейчас умею делать. Немцы стали почтительно смотреть, там же были мастера старые все, не военнообязанные. Кто сигарету даст, кто еще что, - очень уважать стали: "О, - говорят, - русский офицер!"

Потом разбомбили нас к чертям, уже перерыв, получилось, что мы в лагере уже сидим, паек только тот. Лагерь находился недалеко под Берлином, Ботанический сад где-то недалеко, и возили нас на электричке. Причем были бомбежки уже, все, не было такой стерогости. Нас несколько человек было, сопровождал нас молодой солдат, он работал с охранником на заводе, какой-нибудь родственник был, не на фронте был а на заводе. Вот несколько раз нас возили, а потом пошли бомбейки, уже нас не возили на работу, дошло до того, что по 5 раз в сутки бомбейки, ночью летят англичане бомбят, а днем прилетают очень высоко эти "Боинги" большие, бомбят американцы. Причем бомбят не прицельно, а просто в круговую: делая стая летит и сбрасывает бомбы, я убедился, каково это, зажигательные горят, называется напал/??/. Представьте, что у вас нефть, скажем, горит мешок, падает, и вода не тушит его. Так что в один прекрасный день бомба попала рядом, невдалеке, где наш лагерь, прямо во вход бомбоубежища. Такой был перепуг и растерянность, что солдаты побежали спасать туда, и мы из лагеря пошли смотреть, что там делается, до того растерялись, Потом обратно, куда нам деваться? Нас на второй или третий день вывезли в лагерь Люкенвальде/?, это большой лагерь с прошлой войны, международный, там были французы, англичане, американцы, и были там на наше счастье

норвежцы. Норвежцы же не воевали, их оккупировали. Как они попали сюда? Оказалось, что офицеры отказались подписывать обязательство, что они не будут против немцев. Те потребовали: "Подпишите, что не будете против нас и сидите дома!" Тогда их отвезли сюда, в этот лагерь, к интернированным, значит они были не как военнопленные, а изолированные, и командовал ими адмирал. Адмирал был старше по чину всех, кто там был, поэтому он командовал посылками Красного Креста, но он же не мог давать русским, мы же не состояли в международном Красном Кресте, так он другое придумал, он же знал, что многие наши солдаты дохли уже. Мы попали туда, нас поместили в большой барак, из камня построенного, наверху окошечко, бетонированный пол и железные двери. Вот мы на пол и улеглись, нас закрыли на замок, выпускали два раза в день в уборную. Кормили, - просто нельзя есть было, представляете, если сварить содержимое старого матраса волосяного, вы понимаете, что это значит. Тут помог этот адмирал. Он брал наших солдат якобы на уборку лагеря, они же самостоятельные были, только интернированные, а офицеров, мы думали: "Почему нас ведут под конвоем с мешками?" Оказывается, они давали конвой, это старики были, кофе и сахар, еще что-то за то, что они нас приводили туда с матрасами, пустыми, и они нам нагружали какую-нибудь пищу, они же получали много - паек и с дому еще, и краснокрестовский. Они нам давали все, что оставалось у них - сухари, галеты, сахар, в общем, нас кормили, а пакет солдатский полностью отдавали. Так мы жили, но потом дело стало плохо. Бомбочки летят через лагерь, бросили листовки, по-немецки, но мы же прочли - предупреждали, что если волос хоть упадет с головы военнопленных, которые в лагере, несдобровать всем, вашему городу и всем родственникам. Ну они сдрейфили, говорят эти солдаты-старики: "Возьмите нас в плен, ведь у нас тут в городе семьи живут". А главное, когда бомбочка, под лагерем располагаются немцы из этого городка, там безопасное место, лагерь же не бомбят. В общем, дело хреновое, немцы боятся, а тут появились эсэсовцы, там недалеко лесок, там какая-то группа их была. Немцы говорят: "Эсэсовцы плохие, наверно, вас завтра будут водить группами в лес, там они расстреливать вас будут, потому что слышны уже пушки, фронт уже вот-вот". Утром одну группу [...] взвод примерно. Тогда мы что сделали? Мы же тощие, голодные, начинулись на немцев, эти солдаты не сопротивлялись - сдались в плен. Мы сразу на вышки, там пулеметы стояли на вышках, мы стацили пулеметы, расположились, чтобы прикрыть себя в случае, если придут эсэсовцы, потом тех, кого увили, мы встретили, их никто не расстрелял, они только вошли в лес, как эсэсовцев тут же застрелили свои, а нашим сказали: тикайте, дескать. Они разбежались, где-то прятались несколько дней, пока наши войска пришли. Так интересно, англичане подняли шум: "Зачем вы это оружие сняли? Вас убьют и нас тоже? Мы должны белый флаг поднять!" - "Ну да, дудки вам, - мы говорим, - Теперь у нас патроны есть, мы не кролики, если они придут, мы стрелять будем!" В общем, они были недовольны страшно, а адмирал команду дал: во все кухни запустить, все продукты Красного Креста варить и выдавать каждому по маленькой порции 5 раз в день, уже успели - объелись некоторые и умерли даже от заворота кишок, а то, что была лагерная больница - там просто дохли, потому что кормить почти не кормили. Это недолго продолжалось, вдруг в одно прекрасное утро - стрельба, и танки пошли прямо на лагерь по колючкам. Наши солдаты, понимаете, какое отношение, они радостно с нами встретились, какой-то офицер, старший лейтенант, прямо рыдал, спрашивал: "Не знали ли такого, не встречали ли? У меня брат должен тут где-то быть". Но на этом кончилось, несколько дней мы пожили, подошла уже танковая часть полностью и спросили, кто может с нами. Мы сели на танки, поехали в городок, Люхенвальде???, там они ремонтировались, много танков было попорчено, и не хватало им народа, основные танки пошли в Берлин, а эти надо было чинить, не хватало комплекта, были раненые. Там мы некоторое время пробыли, потом спросили, кто может быть танкистом, нужны механики были, у нас несколько человек наш-

лось, подкормили немного, кто был совсем слабый, оставили в больнице, а кто мог, худые, давайте в танковый десант. И поехали мы с ними в Берлин на танках, которые уже отремонтировали. Так мы попали в Берлин и попали в самое веселое место, приехали в город и там частично шли пешком, причем пейзаж такой, скажем: разбитый дом совершенно, один фундамент, мы сели покушать, сухари какие-то были у нас. И вот дамская туфля, я попробовал ее ногой, а туфля не шевелится - нога там под завалом. Но мы как-то не особенно реагировали, мы покушали несмотря ни на что. Мы пошли дальше, в Берлине уже почти кончили - добивали. Нас повели в обход и на западную сторону, наша группа, человек 300 наверно, расположилась в западной стороне Берлина, такое песчаное место, озерко, камыш - такое глухое место, оружие кое-какое мы немецкое подобрали, я помню - у нас автомат был, как бы прикрытие с западной стороны. Место дикое, тихое было. Мы от нечего делать козу застрелили и сварили ее в кастрюле какой-то там нашли, попробовать, что она такое. Потом приехала оттуда полуторка с той стороны, за лесом. Оказывается, там была артиллерийская часть. Они нам привезли покушать, радиостанцию маленькую дали, местную. Ну и сказали вечером? за ужином. Мы расположились, у нас что было за оружие: немецкие пулеавтоматы/?/и один пулемет ручной и было штук 6 дисков. Так что мы там смиро сидели. Потом вдруг к нам вечером являлся подбитый наш солдат, он? поехали они получать продукты, а там немцы, они ту воинскую часть перестреляли, видимо, или перебили, потому что стрельбы не было. А поехало трое, в машине двое сидело, и один наверху, чтоб погрузить. И когда в них стрелять начали, он сверху упал в кусты. Его подрали немножко в плечо, но он так просидел, пока они машину сожгли эту. А он потихоньку пробрался в кусты, они не заметили, что кто-то был еще в машине. И он пробрался к нам через лесок, это километра полтора, не далеко. И сразу нам тревога была, мы: "Что делать?" Нам по радио сказали: "Вы не пикните, отметьте свои фланги, шинели там положите, чтоб вас там не раздолбали наши, а сами займите оборону и не пикните!" Я помню, что тащил этот тяжелый пулемет, а со мной партнер мешки тащил, диски. Мы расположились, нам еще дополнительно сказали: "Отметьте фланги и не пикните!" Ну, мы не пикнули, конечно, что они могли сделать?

Оказывается, прорвалась целая дивизия эсэсовская, уходить на Запад, вот они сюда и пошли. И только начало светать, рано утром полетели наши Илы, это истребители, они имеют бронирование, поэтому они очень низко летят и высекают неожиданно из-за горизонта и бьют р....ми/?/ по танкам, их очень немцы боялись. Р...сы - это ракеты, у них под крыльями по четыре ракеты, ну и пушки у них. И вот они как прилетели, мы тут?, потому что тут рядом лесок, они бомбят, низко летят, горит все кругом, а мы думали: "Дай Бог, чтобы нам не досталось!" Они минут 40, много их прошло, потом они ушли. Светло уже стало, нам по радио команду дают: "Все, отбой, не будет больше. Осторожно прочешите ваш кусок леса. Осторожно, там могут быть еще немцы." Вот мы и пошли, я помню, у меня автомат хороший немецкий был, лес чистый, дорожки, канавки для воды. Вот мы по канавке пошли, кусты, сложенный валежник, как в парке. И там так и попали мы, и тут я убедился, что есть инстинкт какой-то у человека. Ну, кустики такие, хворост сложен. Я почувствовал, что кто-то на меня смотрит, и мгновенно дал длинную очередь с этого автомата в эти кусты, и оттуда упал прямо в мою сторону немец, у него "парабеллум" в руках был, он уже не мог. Как потом выяснилось, я же очередь дал из немецкого, а там третий был каждый, который взрывчатый патрон был. Т.е., короче говоря, ему высадило полспины, этому немцу, и он выстрелить уже не мог, а он выстрелил в землю, упал. Но там еще оказался в этих кустах был ранен офицер, врач какой-то, медицинский работник и сестра, тоже ей попало, я не знаю, как она... Им попало всем, потому что я дал очередь полную в эти кусты. И тут мы так осторожно, еще там где-то кто-то стрельнул, потом командовали немцам: "Идите, выносите раненых на дорогу!" И они как начали выле-

зать, так их, смотрим, много, нас меньше. Но они оружие складывали, стали сдаваться, офицеры их строят, потребовали, чтобы им дали письменную справку, что они сдались и т.д. И их увили.

Потом нас оставили пока тут, и в скорости нас посадили на грузовые машины и с танковой частью, с ремонтниками отправили в сторону Праги, уже наши танковые части пошли спасать Прагу. Если вы помните, тогда было такое, Прага запросила помочь, их немцы приканчивали, наших танкистов вперед погнали, а наши технические части на машинах ехали сзади. Доехали мы до города? по-моему, там оказалось уже не нужно, нас завернули, выдали нам паек сухой, и поехали мы обратно, и тут возле Берлина такой городок есть, Фурстенвагде/?/, это тоже леса. Фурстенвагде, Люкенвальде, там была воинская часть Люфтваффе, их казармы, вот туда нас и поселили. Я - любитель посмотреть, что там делается. Мы пошли - там баня, душевая, котельная хорошая, уголь в брикеты сложен, спецовка даже была. У меня уже знакомые были, тоже пленные, один тоже офицер был. Я говорю: "Давай попробуем, затопим, может, выкупаемся". Затопили, все приготовлено, а там народ сидит в бараке этом, мы слышим кто-то страшно ругается последними словами по-русски. Что такое? Оказывается, мы пустили горячую воду по отоплению, а дело было в мае месяце уже. Мы сразу сообразили - закрыли воду, нашли другой вентиль и начали купаться в этой душевой. Сразу заметили, говорят: "Эй, что за свинство! А нам можно?" Мы говорим: "Можно, только осторожно". Там человек на 10-12 было. "Так что давайте стройтесь по очереди, мойтесь, мыло ваше." Все радостные, все же были грязные, потные. Тут начальство появилось, нам дали разрешение, чтоб мы свет там поправили, все работает, в город нас отпустили, пропуск дали, так что мы там зажили, топили баню, сперва два раза в неделю, потом через день, угля там много приготовлено было, а потом нас перевели в город, меня там с группой офицеров оставили там заниматься энергетикой. Там воинская часть стоит, а электричества нету, оказывается,? напряжением 600 Вт какой-то сдуру сломал двери ручной гранатой и ткнул винтовкой туда,? устройство. Его и убило, 15 киловольт, откуда-то напряжение есть по кабелю. Ну, мы обратно включили, все это убрали и напряжение появилось, мы дали в воинскую часть штаба. "Ой,- говорят,- ребята, да здравствует..." И нам разрешили ходить ночью даже, и все там... Мы запустили насос, а там рядом, на берегу, это ж?, оказывается, канал, там большая? фабрика, это искусственная резина, там очень много было кабеля вот этого резинового, так что мы им очень пользовались много. А электрическая всякая лампочка, все было в складе. Так что мы и ночью ходили на вызов, нас уже все знали, что мы - электрики. Мы поселились в каком-то дворе, трехэтажный дом, а во дворе флигель, мы втроем, три офицера были, тут поселились, там был флигелек однотажный. Как потом опыт показал, бомбочки когда были, то снесло всю крышу, там была черепица, и когда пошел сильный дождь, то мы подмокли. Так чем же вы думаете, мы спасались? Хорошая квартира была, так мы взяли? на этой самой фабрике, рулоны были серым таким, что плащи делают для офицеров немецких. Мы накрыли крышу себе этим, прибили гвоздями кое-как, и спасались, если дождь был. Но мы обнаружили, что много этого материала было, так что решили, что нам не мешало бы плащи сделать. И вот нашли портного перепуганного, который нам плащи сшил, и мы ему платили марками, но у нас не было их, конечно, но по таксе. Он нам говорил: "Вы можете нам суп давать немножко." Так мы ему суп давали, возле нас стояла кухня, а там было много пищи. У нас партнер один был, старший лейтенант, хохол, мой земляк, он как раз отлично варил пищу, борщи и все прочее, материала было сколько угодно, так что мы жили там... И довольно долго, пока свет дали, запустили насос, водопровод-то не работал. Запустили и начали понемножку жить. И нас держали до осени, потом дали мне справку, что мы выполняли работы по восстановлению хозяйства в таком-то районе. Нам еще пришлось заняться, как не удивительно, там хлеб убирали наши солдаты, потому что были помещики, они ушли. Так надо молоть его

было, мне дали машину, я поехал в районе где-то есть мельница, нашли - мельница маленькая, в ней же и пекарня, и хозяйка - немка, вдова/?/. Там дизелек, но дизелек не работает, у него отсутствует топливный насос, я говорю: "Кто?" Нашли старика перепуганного, механика, я говорю: "Как же?" - "Нету." Я говорю: "Давайте не будем говорить, я через неделю приеду к вам, чтобы был насос на месте и работал дизель. Если это будет в порядке, вам, - я говорю этому старику, там переводчик, но я по-немецки кое-что уже, - Получите первый мешок муки. Вы слышали, люди там смотрят? Понял?" - "Понял." Так он все сделал, и мешок муки первый, который мы намололи, ему домой отвезли, так что немцы стали выглядывать и здороваться, увидели, что мы их не обижаем. И мы (там озера же) рыбу ловили, кормили солдат и сами кормились, и так пробыли до осени, там склады были какие-то, нам еще поручили ремонтировать кое-что. Мы себе нашли трактор одноцилиндровый, допотопный, приделали тележку к нему и на нем уехали на станцию железной дороги, откуда нас отправили осенью домой. Привезли нас сюда, под Невель/?/,? где был проверочный пункт, вот там нас проверяли, восстановили наши? Никто не оказался изменившим фамилию, всем фамилии восстановили, нашли, я же Московского округа был, мои документы нашли и мы поехали домой. Уже зима была. Там, пока я приехал домой, бабушка меня ждала. Мы с бабушкой, между прочим, прожили 62 года.

Н.К. - "Бабушка" - это жена?

Н.А. - Моя жена, да. Третий год пошел, как она умерла. А я остался здесь кончать свою дорогу. Я третий год уже без жены... Мы с ней 62 года прожили, понимаете, каково ей жилось? Теперь вы можете понять, почему я прилежно работал в Москве?

Н.К. - А где вы с ней встретились после войны?

Н.А. - В Дмитрове/?/, она там и осталась. Они из Дмитрова прислали катера вывозить по каналу Москва-Волга, уже под Москвой же немец был. Так она, у нас же мальчик остался, племянник маленький, 3 года ему было, потому что мать поехала в Запорожье, а тут немцы пришли, мать осталась там, а мальчик остался с моей женой. Вот она его и воспитывала потом.

Н.К. - Николай Андреевич, вы в Дмитрове в ней встретились, а дальше что?

Н.А. - А дальше меня посадили в скорости.

Н.К. - Прямо в Дмитрове?

Н.А. - Нет, мне работу надо искать было, я поехал в Москву, я же там работал, у меня там знакомые. Меня сразу потащили, был Саломатин, военный инженер, который работал в министерстве, он меня отлично знал. Пригласил меня такой Огурец, зам.министра, говорит: "Вот-вот, сейчас из Германии перевозим оборудование постоянного тока, организовываем институт постоянного тока, как раз вам должность есть. Будете заниматься этим делом, экспериментальные мастерские, будете устанавливать оборудование". Оттуда, думаю, надо заехать на канал, в управление, тут же, в Москве. Управляющий говорит - "О, приезжайте завтра, он вас примет, сегодня на совещании. Я в Дмитрове жил с женой, она бедно жила, меня же не было. Я на другой день приехал, меня принял он, должность есть, пока поживете в Дмитрове, квартиру вам в Москве дадим. Только с вами товарищ какой-то хочет поговорить, прилично одетый мужчина средних лет, тогда через часок приедет. Выходим, ЗИЛ стоит, садит меня на переднее сиденье, едем в центр и въезжаем на Лубянку с черного хода.

Н.К. - Это когда было?

Н.А. - Это было в 45 году, я приехал уже ранней зимой, уже холодно было, когда в лагере мы были, уже снежок шел немножко, когда нас проверяли, и оттуда я приехал домой.

Н.К. - То есть к концу года? к концу 45-го.

Н.А. - Да-да. Привезли меня на Лубянку, и вопрос ясен стал, думаю - зачем меня везли на ЗИЛе да еще с шиком. Оказывается, просто при??/любезно, намек мне сразу дали, посидите, там же нельзя встречаться, посадили в маленькую комнатку, там столик, как лежак и стульчик - прикреплены, нельзя двигать их, и температура +45, потому что одна стенка - стенка трубы отопления этого дома, а дом громадный. Но меня недолго, но пот прошиб меня сразу, потому что духовка, представляете? Но я недолго, минут 5, мне, видимо, намекнули, что у них способы есть не трогая, не обижая, выжать все, что нужно. Короче говоря, это один из карцеров был, а были карцера морозные, всякие варианты, там хорошо оборудовано было. Потом меня обыскали, как полагается, все шнурки сняли, пуговицы срезали, штаны держались на веревочке, потому что все удавлялось. И не даром, потому что в старые времена кто-то прыгнул через этот и убился, теперь там сетка везде, и вы повеситься не можете, у вас нет веревочки, у вас шнурки сняты даже с ботинок, перерезать себе вены вы не можете, потому что у вас металлические пуговицы срезаны, у вас никаких средств нету. Привели меня в чистую камеру, в которой находился скромный, симпатичный мужчина, который оказался графом Эстергазе/?/, он член правительства? был, известная в Австровенгрии была семья, были известны Эстергазе и еще кто-то, забыл, тройная фамилия, они были крупные помещики, у власти были. Он очень любезный был, вежливый, по-русски ни звука не знал, говорил по-французски, по-немецки, по-английски, видимо, по-венгерски. Был богомольный, Богу молился утром и вечером, держался очень любезно, в общем, я с ним в очень хороших отношениях оказался. Дали нам книжку детскую, букварь какой-то, и он понемножку начал изучать русские слова. Я по-немецки уже знал кое-что, я ж в Германии был, но чтоб говорить - не хватало. А он начал изучать и говорит: "Я думаю, что не задержусь здесь долго", - очень резонно рассуждал. Кто он по специальности был? Оказывается, он закончил высшее учебное заведение, он зоолог, у него скот был породистый, и он занимался этим делом сам.

Н.К. - А может быть, ветеринар?

Н.А. - Нет, он же граф, богатый человек был, кончил институт специальный, так что он, видимо, был какой-то... Изучал животных на практике. У него свой скот был породистый, свое хозяйство, он жил же с этого, у него были какие-то поместья, я понял, он не бездельник был, работал. Он был членом правительства и своим хозяйством командовал сам, я так понял его, когда мы разговаривали.

Н.К. - Но, видимо, когда он политической деятельностью занялся, тогда скотом перестал он заниматься?

Н.А. - Поскольку знатный очень был человек, то его призвал поэта к священной жертве Аполлона/?/, и его привлекли, раз он не контрик был, а с ихней породы, так он участвовал в правительстве. Он местная знать был, но он был грамотный человек и занимался своим делом.

Н.К. - Долго вы там с ним были?

Н.А. - Да были примерно сколько... Я ж прибыл из Бутырок,?сначала, я не рассказывал, как было там? Когда на Лубянке меня посадили, потом я долго был там, чистая комара, уютно, тихо.

Мы вместе с Эстергазе были, меня раньше позвали, он оставался еще. Утром у нас был подъем, вели в уборную, мы выносили парашу, там маленькая была, на двоих. Там оправлялись и умывались, и шли обратно в камеру, тут мы приносили чистую парашу, ставили, и был перерыв нам перед завтраком, в это время он молился Богу. Он тихо сидел, складывал руки и шептал молитвы, я тихо сидел, старался не мешать, чему он был очень, видно, доволен. Потом нам приносили скромный завтрак, составляющие были приличные, и обед был тоже, но в минимальных количествах, т.е. в том смысле, что мы были вечно голодные. Кормили только, чтоб мы не болели. Суп хороший, очень немножко, котлетка вот такая вот и картофелинка, но чистые, хорошие, хлеба кусочек серого.

Н.К. - А дальше?

Н.А. - Мы так сидели и ждали, а потом меня повели к следователю. Со следователем была такая встреча: он сидит, следователь-полковник кагебешный, такой солидный кабинет, часовой ушел. Он говорит: "Вас тут ждет товарищ." Я смотрю - сидит какой-то мужчина болезненного вида, опухшие глаза, но в форме тоже. Он встает, подходит и говорит: "Здравствуйте, Николай Андреич!" Подает мне руку: "Вы меня не узнаете?" Я говорю: "Простите, нет." Он говорит: "А я вас сразу узнал, хоть вы и в совсем другом виде." А я же стриженый уже был. "Так я,- говорит, Петров, начальник 3-го отдела канала, я вас хорошо знаю." Я понял, для чего это. Следователь-то сидит, он составил протокол об очной ставке, т.е. опознание, что он, человек, который был на большой должности в КГБ, меня узнает, опознал. Они запротоколировали, конечно, это. Этот человек сказал: "Да, жаль я болел, вы меня не узнали." У него вид плохой, мешки под глазами. "Ладно, - говорит, - не буду задерживать, я только хочу вам сказать, не задерживайте их, - показывает на следователя, - Вас ждет большая работа, и мы вас ждем. Так что вы не беспокойтесь, только поскорее кончайте свои дела." Т.е. он намекнул, не спорьте, а там видно будет.

Н.К. - "Подписывайте все"...

Н.А. - Да, но это, между прочим, так и следовало делать. Потом я вам скажу, как интересно сказала мне секретарша трибунала, которая мне дала протоколы, копию приговора, которая была напечатана и заверена до суда. И меня увели, после этого меня перевели в Лефортовскую военную тюрьму. Там - уютная одиночка, наверху окошечко, чисто, кровать наглухо прикреплена, столик и стульчик. Дверь, которая открывается, подают вам пищу и в дырочку, в которую на вас смотрят. Вы лежите лицом к двери, и над дверью горит сильная лампа, ватт 200, так что вы освещены, и вы руки должны держать сверх одеяла. Так что вы если автоматически накроетесь, он откроет дверь и снимет одеяло. За вами бдят, а там же сколько этих мест - ого! Одиночка. Но я не особо растерялся: раз попал в эту фирму, значит не жди доброго. Пригласили на работу - и слава Богу, чем-то буду занят, а не деревья рубить какие-то. И от чего делать я что делал? Я хожу, мнеходить-то можно было, когда я не сплю. Не мешали. Я лекции читал, т.е. доклад я делал. Представляете? Т.е. мне чем-то заниматься надо было, и я докладывал, скажем, о некоторых работах, которые я вел по наладке канала Москва-Волга. Допустим, докладывал, как мы запускали вторую нитку машин, там же сложная автоматика была. Так что мне несколько раз открывали дверь: "Что вы говорите?" Я говорю: "Не беспокойтесь, я с ума не схожу, я тихо не говорю, это я учу свои уроки." И он успокаивался. Докладывал, наверное, а может, и записывали даже, во всяком случае мне надо было чем-то развлекаться. Кормили нормально, причем даже приносят суп, хлеба кусочек, чаю, кусочек сахара, в обед - каша. И вот в обед было (они там развозят пищу), когда он забирает посуду, он смотрит в давалку, обратно едет, у них остается, так что еще немножко может дать. И давали передачи, но

бабушка моя бедна была, что она могла принести - картошку варенную? Так что я не отказывался от добавки.

Н.К. - Там вы еще не работали?

Н.А. - Нет, я сидел в одиночке, что вы!

Н.К. - Долго?

Н.А. - Нет, не очень. Водили каждый день на прогулку, там ужасно неприятно, рядом завод, где строят двигатели авиационные. Так они как заведут их! Так слышно. Вот под это хорошо расстреливать было, не даром это все. Все с головой делалось, умные люди были. А ведь шарапку выдумал знает кто? Вы даже не знаете, это историю имеет, их же не было никогда, были, как вы слышали, Соловки. Так туда ссылали спекулянтов,? людей - всех туда. И вот там один еврей, очень крупный деятель [пропущ]. не дрейфил, понимал, что жить-то надо, как в Одессе поют: "Цыпленки тоже хотят жить". Так он хотел жить, видел, что заключенные перекладывают камни, кирпич с места на место. Надо было чем-то их занять, и он подал предложение, что зачем, их же кормить приходится, нельзя же их не кормить, расходы, охрана и никакого толку. Организовать бригады и работать.

Н.К. - Это же не шарапка, это просто работа.

Н.А. - Да, но потом организовали Беломорканал, потребовалось много рабочей силы, и поехали туда заключенные. Их кормить все равно надо было, так они хоть стали работать полезно. А шарапки потом, когда строили канал, там надо было много инженеров, инженерная работа была, и делали это дело... Вы Москву знаете?

Н.К. - Знаю, но не сильно.

Н.А. - Ну, Кремль вы знаете?

Н.К. - Обижаете...

Н.А. - Ну вот напротив Кремля, с другой стороны Москва-реки, там есть... Как он назывался, я забыл, монастырь или что-то в этом роде. И рядом там недалеко было английское посольство. Так вот в этом монастыре организовали первую шарапку, которая проектировала то, что нужно делать для Беломорканала. А там же много делать надо было, там же чуть не полмиллиона заключенных работало, даже бараки эти, надо же их проектировать, надо сметы составлять. И тут эти инженеры попали сюда, я потом там бывал у них. Уже когда я не был заключенным, там так называемый гидропроект, он и у нас есть, так оттуда он родился.

Н.К. - Из шарапки?

Н.А. - Нет... Ну да, там Жук был, верховодил. Но там же были не только заключенные. В общем, там была шарапка и это стало Гидропроектом. А на Черногрязской улице пошли отделы, где незаключенные были, они проектировали канал Москва-Волга, там сидели потом. Это очень мощное заведение, сейчас эти все гидростанции они проектировали.

Н.К. - Но это уже официальный институт теперь, а вы считаете, что он вырос из шарапки?

Н.А. - Шарапка была при... Жук командовал этим...

Н.К. - То есть паралельно?

Н.А. - Это параллельно,? шарашку, она и превратилась.

Н.К. - Это где-то конец 30-х? Или пораньше - 32-й, 34-й?

Н.А. - Ведь когда я попал в 55-м году, уже это был проект, уже строили Куйбышевскую станцию, проектировал Гидропроект.

Н.К. - Ну, 55-й, это уже...

Н.А. - Нет, так уже строили. А проектировать - по крайней мере 10 лет или 20, это большое дело...

Н.К. - Нет, я вспоминаю, это где-то 32-34-й годы.

Н.А. - Да. Потом я же с ними имел очень большую связь, как только я вышел из тюрьмы, меня сразу же отправили на Куйбышевскую стройку. Там главный инженер был электромонтажа - бывший мой техник, который у меня работал на Днепрострое, оба они с братом работали. Конечно, мне радостно, сейчас же их к себе и подтащили. Они меня знали. А управляющий, он был в Москве трестом одним, это был бывший мой старший прораб, он очень много усилий предпринял, чтоб меня быстро на работу устроили. Он меня знал отлично.

Н.К. - Давайте продолжим дальше.

Н.А. - Мы остановились на чем? Лефортово. В Лефортове меня один или два раза вызывал следователь, такое у меня впечатление, что это было выдержанкой времени. Просто нужно было, видимо, сколько-то времени продержать, потому что он поговорит немножко, и все. Потом меня отправили не помню куда, трибунал судил военный. Нас было человек 10-12 может быть, некоторых я знал, потому что с некоторыми мы работали еще в Германии, а некоторых я первый раз видел. Нас чохом судили, это ж трибунал был. Поэтому нас посадили, быстренько нам прочитали, все получили примерно одно и то же: 10 лет и 3 по рогам//?. Я получил 3, а получали по 5, видимо, подействовало, что меня на работу возьмут, так скинули мне 2 года. Очень быстро, но радостно, когда выпустили нас. Казалось, радости мало, когда вам 10 лет дают, а мы радостно, знакомые встретили. Нам надоело сидеть по тюрьмам отдельно.

Н.К. - Когда суд был?

Н.А. - Я не помню, у меня где-то есть приговор, можно найти, у меня есть документы, когда это было, какого числа, кто был председателем, генерал...

Н.К. - Это очень-очень ценно. Мы потом найдем.

Н.А. - Мне дали 10 лет и 3 по рогам.

Н.К. - А что значит "3 по рогам"?

Н.А. - Это значит 3 года поражения в правах. После этого меня отправили в Бутырки, у нас это называлось "Бутюр"/?, "Санатория Бутюр". Это громадное здание еще Екатерининских времен, в центре почти Москвы находится, там мощное заведение. Попал я в камеру, она рассчитана была, там, наверное, человек 12, там хорошо сделано было в старицу: рама из трубы отходная на шарнирах и подставка. Если на нее натянуть мешок, то получается как бы гамак, так было сделано, отдельные кровати были. Но это было, когда был старый режим, тогда не предполагали, что человек лежать должен лежа один, а не навалом, но т.к. тут уже было народу много, и нас было по восемидесяти человек, а тут рассчитано на 12, скажем, то было тесновато. Но техника, как говорится, превосходит все, были откинуты эти все штуки, на них положены сплошные доски, щи-

ты, на них можно было спать. А когда уже не помещались, то ложились боком, чтоб все переворачивались, тесно было. Люди придумали: зачем тесниться, когда можно в 2 этажа? Я прибыл в первый этаж туда. Сидели как? Когда днем, те, что наверху, спят, они сидели под стенкой по-собачьи, а с нижней сидели у них у ног, и ноги ставили на пол. Но была публика очень хорошая, тут был добрый народ всякий. Там был такой... Помните, может, был... Известный человек он был, занимался ботаникой, там всяким.

Н.К. - *Re* Лисовский?/??/?

Н.А. - Да.

Н.К. - Неужели вы с ним сидели? Гранин написал о нем повесть "Зубр". О нем написал?

Н.А. - Наверное. Потом уже я сидел, но я известен был в другом районе. Видите, что меня немцы уже заметили, нашли? А потом меня на передовых нашел уже мой бывший зав. гаражом, он же ездил специально, чтобы проверить, я ли это. Опять очная ставка была. Значит, он сообщил уже из Берлина, что Семенов тот самый, который на канале работал. Значит, они уже знали, когда я приехал туда. А Лисовского проморгали, он еще успел попасть в лагерь по-моему, а потом его нашли и обратно вытащили. Они не успевали, а за мной успели. Поэтому в тюрьме я нигде не был.

В Бутырках я оказался на первом этаже, но ночью, слышу, двери открывали, кто-то пришел и любезно постучал мне в ботинок: "Можно?" Я сказал: "Ку-ку, войдите!" И это, между прочим, написано в книге.

Н.К. - "В круге первом"?

Н.А. - Да, "ку-ку" точно, я так и сказал. Я еще не спал, а дремал. И он пролез сюда, мы познакомились, и потом вместе жили. Но дело в том, что это было начало жизни. Ведь мы продолжали жить, еще тут он был у меня. Уже мы освободились, он побывал в ссылке, он же оттуда мне писал письма хорошие, у меня их много. Некому посмотреть, все у меня где-то в куче свалено, тут надо кучу писем просмотреть, а фотографий сколько!

Там мы познакомились, там общество хорошее было, каждый по очереди докладывал что-нибудь о своих специальностях, все разные специалисты были. А потом в одну прекрасную ночь забрали Солженицына, куда-то увезли, зимой это было. И в одно тоже прекрасное утро меня забрали, повели в баню, побрили и подстригли, вы понимаете? Так, как следует, даже, по-моему с одеколоном. Я сидел голый, мою прошпарили всю одежду, они же дезинфицируют, боялись болезней очень, аккуратно, каждые 10 дней купали. Я оделся, все... Какой-то вертухай из охраны получил документы, видимо: "Ну, - говорит, - поехали!". Вошли во двор, мороз уже, было холодно, стоял большой автобус, я сел один в автобус рядом с шофером. Отворились двери, там такой автоматический шлюз, выпустили, и поехали мы куда-то по Москве. Въехали в переулочек какой-то, он говорит: "Вы посидите немного, мы сейчас." Они с шофером исчезли и через 20 минут, несколько повеселевшие, холодно же было, так они, видно, заключнули и поехали на Савеловский вокзал, нет, не Савеловский, а какой вокзал, я не помню, как-то ехать надо, где священные наши дела.

Н.К. - В Загорск?

Н.А. - Да.

Н.К. - Это Ярославский вокзал.

Н.А. - Да, представляете, ситуация: приезжаем мы на вокзал,

уже поезд стоит. "Посиди," - говорит. Народ едет с рынка, в Загорск и тут по дороге. Слышу, бабушка спрашивает: "Слушай, а почем твои яйца брали?" Или что-то такие вопросы: "Почем сегодня прода-вали куриц?" А у меня мешок небольшой и вид затрапезный, не видно ничего, все-таки, побритый же был, ничего. Спрашивает, хорошо, куда я еду, я же не знаю, а он пошел билет покупать. Ну, поезд тронулся, я документов никаких не имею, не знаю, куда я еду, а он где-то пропал. Они же клюнули, я чувствую, мало ли, может, повторил? Поезд-то пошел. Думаю: "Что делать?" Можно сойти где-нибудь, так меня же задержут, скажут, украл мешок. Что там лежит? Вдруг он прибегает, запыхавшись, уже на дороге там, он, оказывается, в задний вагон успел вскочить, короче говоря, хватил еще, наверное. Приехали мы в Загорск, он у меня вещи взял, видно, у него папка с документами была, я не нес, и повел он меня куда-то через пути на кладбище. Но кладбище обитаемое, там шарапка, оказывается, на кладбище проходная, все честь-честью, и такой дом одноэтажный, чистая, хорошая, большая комната, там кроватей две-надцать. Чисто, никого нету, все на работе были. Оказывается, шарапка рядом, где работают химики, которые взрывы делают, взрывчатые вещества, называлась она "Звездочка". Там немного, человек 10 химиков, так что меня туда привезли и водворили. Чистая кровать, дали покушать, там ужин был. "Ну, - думаю, - так жить можно: тепло, светло и уютно." Я был оптимист, все к лучшему в нашем лучшем из миров. "Если я, - думаю, - с войны пришел, так я уже, наверное, прошел все проверки, что-то будет же дальше. Уже я дома, на своей земле." Вы знаете, какая у людей тяга к родине! Вы не представляете, среди всех проверяемых ни один не поменял фамилии, вы понимаете, что это значит? Знали - посадят после проверки, но никто не спрятался, а те, у кого руки были нечисты, смылся вовремя. Они уходили с немцами.

Н.К. - Дальше про шарапку.

Н.А. - Тут еще кого-то привезли, потом и Солженицын появился.

Н.К. - В этой шарапке?

Н.А. - В этой же шарапке. Пришли те, которые работали, мы познакомились, они давно живут тут, их водят недалеко с конвоем, метров 200 шарапка. Забор и все, и вот этот цех, где работали, обвалованный: кругом дома - вал, если взорвется, то вверх пойдет, а не в стороны.

А нас привезли вот для чего: оказывается, надо, чтоб мы подготовились, тут библиотека хорошая, подбросили еще книг, и нас вели вместе с ними. Там у них зал читальный, и вот там мы сидели, занимались. Книги по проволочной связи, чтобы ознакомились, с чем мы будем работать. Так что нас там водили, мы утром завтракали, днем обедали, кормили нас еще по четвертой норме, но это, конечно, не? была. Во всяком случае, достаточно мы были сыты. Теперь можно было получить передачу. Бабушка ко мне приехала, когда уже был Солженицын. Как раз он гулял во дворе, вечером уже было. А она, бедная, должна была из Дмитрова ехать через Москву в Загорск. У нее не было даже обуви, она с мальчиком жила, ее же с работы сняли и карточек не было, вы понимаете? Так она добралась, и когда она у часового спрашивала позвать такого-то, а часовые тоже были, они понимали, что мы же люди, он позвал, тот гуляет. "Скажи, - говорит, - там новый появился Семенов." Так он пришел, сказал: "Идите, пришла ваша жена!"

Н.К. - Солженицын?

Н.А. - Да. И главное, это нельзя было делать, не разрешали ничего, но я подошел, часовской делает вид, что он не слышит. Она мне принесла картошку, я ей отдал обратно, говорю: "Не нужно, меня тут хорошо кормят, не беспокойся, не приезжай сюда, отдыхай, я

скоро буду на работе уже. Так что успокойся, бабушка." Она еще не бабушка, она еще тетя была, так ее и звали: "Тетя Катя".

Н.К. - И в Загорске, сколько времени вы там пробыли?

Н.А. - Мы там пробыли... Это зимой было, до ранней весны.

Н.К. - Ранняя весна 46-го?

Н.А. - Да, да. Там, между прочим, все мирно жили, это церковь была.

Н.К. - И сколько времени вы там были?

Н.А. - Месяца 2 или 3. Потом уже, когда тепло стало, весна, мы даже посадили огородик себе. Там местные делали, было даже Зулья у одного. Жить-то надо, чем-то заниматься! Я огородик тоже завел, поставили кровати. Так что пришла эта трехтонка, ГАЗ-51, положили все белье наше, нам же надо было постели взять, на чем спать.

Н.К. - А что - надо было мешки туда-сюда возить?

Н.А. - Нет, мешок пустой, чехлы. Мы погрузились всей компанией и поехали.

Н.К. - А в компанию Солженицын входил?

Н.А. - Да, и Копелев был.

Н.К. - Тоже с вами обучался?

Н.А. - Нет, он поздно приехал уже. Я не помню, тут, по-моему, был он уже. Мы поехали на машине, как переселенцы на вещах.

Н.К. - И куда приехали?

Н.А. - В Марфино, там были? санаторий. Это большое трехэтажное или четырехэтажное здание с полукруглым... Там церковь была. И мы приехали, там ничего еще не было. Рядом, с той стороны, сзади, был женский лагерь. Они только видели, что каких-то привезли, со страшным любопытством смотрели, что мы были не стриженые, бритые, цивилизованный вид имели.

Н.К. - И вас сразу определили?

Н.А. - Нам сказали: "Возьмите, там кровати железные разложите. Там доски сложены, нарежьте себе, чтоб спать. Сеном сложенным набивайте себе матрацы, что мешки привезли." Так что мы набили матрацы и спали на приятном, свежий запах, на сене. Одеяла мы привезли в собой и простыни, и подушки. Нас покормили какие-то женщины, вертухаевские жены были, наверное, две. Разложили костер, в здоровой кастрюле чего-то там наварили.

Н.К. - Прямо на улице?

Н.А. - На улице, конечно. Мы еще пока повозились, кровати делали, так они нам наварили что-то покушать, хлеба дали, в общем, покормили. Потом там устроили кухню и проходную. В результате мы кое-как расположились, крепко дрыхли после путешествия, чисто, все было вымыто хорошо, вот эти женщины из того лагеря уборку делали. Дальше что произошло? Появился капитан, начальник этого заведения, он сразу нашел меня, я был в списке. "Вот, - говорит, - я вам поручаю заняться приемом того оборудования, которое будут с послезавтрашнего дня возить. Идемте, посмотрим поме-

щение", - какие там сделаны были стеллажи,? из досок. Говорят: "Будете принимать и регистрировать, что там будет." Что ж получилось? Там недалеко железнодорожная ветка, туда подогнали состав, из Германии привезли раскуроченный какой-то институт, я забыл, как он назывался. Везли все, что там было. Представляете, я еле успевал, мне еще помощника дали, чтоб он записывал. Масса добра, начиная с чисто бухгалтерского, канцелярского (столы, стулья, пишущие машинки)...

Н.К. - Короче, инвентаризация.

Н.А. - Да, привезли кучу добра, причем настолько быстро собрали, я помню, у меня столик был для машинки. Поставили машинку, я смотрю - что там в ящике? И в верхнем яичке - сверточек аккуратный, засохший завтрак и дамские трусики, я еще помню, салатного цвета. Видимо, машинистка там была...

Н.К. - Не будем на эту тему. Дальше пошли!

Н.А. - Вот такие детали, это же интересно. Причем масса хороших машинок с русско-немецким шрифтом. Все кульманы были. В общем, помещение, где я расположился, я натаскал туда себе добра: новые кульманы себе поставил, письменный стол с машинкой на русском, счетные машинки (тогда только были за ручку крутить) и счеты, еще не было клавишных. Мастерскую я себе прекрасную организовал, у меня такое оборудование было, инструмент первейший был. Я вам покажу часы, которые я сделал, они у меня тут.

Начали потом возить заключенных из другого лагеря, которые разгружали ящики, возили и раскладывали. Я смотрел, что там. Меня уже взяли, как знатока приборов, они уже знали по каналам, я же начальник службы защиты автоматики телемеханики был. Поэтому меня взяли на эту должность сразу. Я сначала принимал все, какие материалы... К сожалению, у меня красивый портсигар был с розой, так я его послал Солженицыну в подарок с папиросами, которые мы там курили, это "Беломорканал". Нас кормили, и как я начал действовать, меня уже повысили до второй категории, это много уже давали, кормили лучше. А когда уже начали что-то монтировать, то меня перевели в 1-ю категорию, это уже как старший ком. состав кормили. Т.е. мне кроме? такие были в дни бани и выдачи яиц. Что это значит? Это раз в 10 дней баня была и давали нам дополнительный паек: десяток яиц, 250 г масла сливочного, сахара, и папиросы мы получали не "Беломорканал", это вторая группа, а мы получали "Казбек", потому мы назывались "Лорды".

Н.К. - А Солженицын тоже инвентаризацией занимался?

Н.А. - Он работал, таскал там что-то, мы были рабочая сила, нам же добро надо было принять. А добра много, материалы, там были прекрасные, инструменты, в общем, это раскуроченная лаборатория была. А в лаборатории все же нужно. И не даром меня взяли, я по разобранным деталям знал, что это такое. И потом это обнаружилось тем, что я помню, просто убил этого Антона, который главный инженер был этой шарашки.

Н.К. - Как убили?

Н.А. - Тем, что он сказал: "Можно ли что-нибудь сделать там то-то и то-то?" Я говорю: "Можно." - "Ну как долго вам возиться?" - Я говорю: "Нет, не очень долго, но вы мне позвоните завтра." - "Что завтра?" - "Завтра позвоните, я вам скажу только." Когда он позвонил, я сказал: "Уже готово!" Они не знали, что у них осциллограф Сименса был последней модели, которая разобрана на куски была, и неудобно, машина, как стол. Так все отдельно было: стол, лампы. Так что я его собрал, мне нужно было полдня, я только знал, где все лежит, я только взял, что там было. И когда он поз-

вонил, я ему говорю: "Ну идите, я вам покажу." -"Как?!"-говорит. - "Уже готово." -"Что вы говорите? Что вы - смеетесь?" Я говорю: "Вы будете смеяться." Я немножко с ним фамильярный был, думаю: что мне изображать? Он пришел, я говорю: "Пожалуйста!" "Ну, - говорит, - это здорово!" - "Это не всегда так получается. Это в сказке - сказано-сделано. Но в данном случае я просто знаю, что у нас есть тут, на складах. Поэтому я только потратил время на то, чтобы собрать то, что мне известно." - "Ну, - говорит, - тогда все, не даром вас взяли сюда." -"Очень недаром, 10 лет же!" -"Ну ладно, ладно,"- дескать, хватит. Не те разговоры. Он же сам 10 лет отрохал, имейте в виду. А у него тесть был известный профессор...

Н.К. - Это кто?

Н.А. - Я не помню, как фамилия его. По-моему, Васильев его фамилия настоящая.

Пошло дело, начали потихоньку распределять, где какие лаборатории, мне дали план, там разместились тот, кто где будет, я уже знал, где я буду находиться - Измерительная лаборатория. Это большая комната, одна поменьше и одна была мастерская. Это мои были владения. И начальником был лаборатории старший техник-лейтенант КГБ, я забыл фамилию, очень симпатичный мужчина, скромный, который не воображал из себя ничего, он даже потом в дальнейшем мне говорил: "Вы, Николай Андреич, не беспокойтесь, конечно, я каждую декаду пишу на вас доклад

15 ср.